Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/XQEGVL
УДК 821.161.1.0+821.162.3.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 +
83.3(4Чех)6

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЧЕШСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1920-Х ГГ. (ЖУРНАЛ «РОЗПРАВЫ АВЕНТИНА»)

© 2022 г. А.В. Амелина
Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 15 февраля 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 20 мая 2022 г.
Дата публикации: 25 декабря 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-212-231

Аннотация: В статье исследуется восприятие в 1920-е гг. чешской литературной критикой либерально-демократической политической ориентации в лице журнала «Розправы авенитна» русской литературы. Для этого идеологического направления отбор авторов современной русской литературы производился по критериям близости к европейской культуре и продолжения традиций русской классики (И.Г. Эренбург), а писателям из идеологически противоположного лагеря давалась отрицательная оценка, или они вовсе не замечались (В.В. Маяковский). Некоторых авторов, в свою очередь, «перетягивали» между собой противоборствующие лагеря, приписывая им свои взгляды (С.А. Есенин, Е.И. Замятин). Классическая русская литература была также представлена с элементами тенденциозности, восторженное отношение было к Ф.М. Достоевскому, Н.В. Гоголю, именно их традиции подчеркивались в творчестве современных русских писателей, в то время как отзывы об А.Н. Островском были прохладные, а Н.А. Некрасов не затрагивался вовсе.

Ключевые слова: чешская литературная критика, русско-чешские литературные связи, история чешской литературы, чешская периодика, межвоенный период, «Розправы Авентина».

Информация об авторе: Анна Вячеславовна Амелина — младший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр-т, д. 32 а, 119334 г. Москва, Россия. ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-2700-1076

E-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Для цитирования: *Амелина А.В.* Восприятие русской литературы в чешской периодике 1920-х гг. (журнал «Розправы Авентина») // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 212–231. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-212-231

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 4, 2022

THE PERCEPTION OF RUSSIAN LITERATURE IN THE CZECH PERIODICALS IN THE 1920S (*ROZPRAVY AVENTINA* MAGAZINE)

© 2022. Anna V. Amelina
Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: February 15, 2022
Approved after reviewing: May 20, 2022
Date of publication: December 25, 2022

Abstract: The article examines the perception of Russian literature by the Czech literary criticism of the liberal-democratic political orientation from the magazine Rozpravy Avenitna in the 1920s. For this ideological direction, the selection of authors of modern Russian literature was made according to the criteria of closeness to European culture and the continuation of the traditions of Russian classics (I.G. Erenburg), while writers from the ideologically opposite camp were given a negative assessment or were not noticed at all (V.V. Mayakovsky). Some writers, in turn, were "torn apart" by the opposing camps, attributing their views to them (S.A. Yesenin, E.I. Zamyatin). Classical Russian literature was also presented with elements of bias; there was a rapturous attitude towards F.M. Dostoevsky, N.V. Gogol, it was their traditions that were emphasized in the work of modern Russian writers, while reviews about A.N. Ostrovsky were cool, and N.A. Nekrasov wasn't touched on at all.
Keywords: Czech literary criticism, Russian-Czech literary connections, history of Czech literature, Czech periodicals, interwar period, Rozpravy Aventina.
Information about the author: Anna V. Amelina, Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave. 32 a, 119334 Moscow, Russia. ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-2700-1076
E-mail: anna.v.amelina@mail.ru
For citation: Amelina, A.V. "The Perception of Russian Literature in the Czech Periodicals in the 1920s (*Rozpravy Aventina* magazine)." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 212–231. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-212-231

1920-е гг. для чешской истории стали «золотым веком», обретение национальной независимости вызвало взрыв в общественно-политической и культурной жизни, где в это время наблюдается небывалый плюрализм, в литературе в свою очередь возникло множество новых течений. В тоже время культура стала очень политизированной, периодические издания, и литературные журналы в частности, как правило, отстаивали принципы того или иного идеологического направления, в связи с чем одни и те же художественные явления могли трактоваться диаметрально противоположно. Поэтому продуктивно изучать восприятие русской литературы в эту эпоху нам позволяет дифференцирование источников в соответствии с их политической ориентацией. Такой подход показывает, с одной стороны, многообразие и противоречивость чешской культурной жизни, и с другой стороны — многогранность русских писателей, чье творчество попадает на чешскую почву. В данной статье мы отразим рецепцию русской литературы изданием либерально-демократического крыла «Розправы Авентина» (“Rozpravy Aventina”) и постараемся наметить перспективы сравнения результатов с уже изученным нами левым блоком чешской критики[1].

1 Наша статья является частью более крупного исследования чешской периодики 1920-х гг., представленной множеством разнообразных направлений (левое (коммунистическое, социалистическое), либерально-демократическое, католическое, националистическое, печатные органы аграрников и др.). На данный момент из всего этого обширного материала, помимо журнала, вынесенного в заглавие статьи, обработана лишь бóльшая часть изданий левой ориентации (см., например, работу о газете Коммунистической партии Чехословакии «Руде право» [1]), поэтому ниже мы намечаем аспекты для последующего сравнения только с этим блоком.

«Розправы Авентина» (1925–1934) — пражский литературный журнал, чья миссия состояла в знакомстве читателя с авторами издательства «Авентинум»[2], там печатались биографии, интервью, воспоминания и комментарии писателей к своим произведениям, карикатуры (в том числе Й. Чапека) и фотографии, а также освещались культурные события Чехии и Европы. Сначала журнал выходил раз в две недели, а с 1928 г. — раз в неделю, постепенно материалы становились все богаче и разнообразнее. Само издательство «Авентинум» было основано в 1919 г., тогда его руководитель Отакар Шторх-Мариен познакомился с братьями Чапеками, которые и стали главными авторами вместе с другими членами их семьи (например, их сестра Гелена и К. Шайнпфлюг, свекр Карела, тоже у них публиковались). Включая их произведения, к 1925 г. было издано 100 томов. Вторая половина 1920-х гг. стала золотой порой «Авентинума» — помимо рассматриваемого журнала и других периодических изданий, были открыты собственный книжный магазин и Авентинская мансарда, где проходили выставки и культурные вечера, этот зал стал важным пражским культурным центром. В начале 1930-х гг., однако, в частности в связи с экономическим кризисом, у издательства возникли финансовые трудности, ситуация ухудшилась с уходом братьев Чапеков из-за утайки от них части проданных тиражей. В 1932 г. издательство прекратило свою работу (позже, в 1945 г., оно открылось еще раз и просуществовало до 1949 г.).

Среди постоянных критиков журнала были основатель издательства О. Шторх-Мариен, Иржи Карасек из Львовиц, Карел Чапек и др., материалы о русской литературе писали в первую очередь Надежда Филаретовна Мельникова-Папуошкова (фольклорист и переводчик русского происхождения, жена Я. Папоушека — секретаря Т.Г. Масарика) и ее близкий друг, редактор, журналист и переводчик с русского Вацлав Кёниг, а также Франтишек Кубка (журналист националистического толка, переводчик, дипломат, член группы «пятничников» К. Чапека). Несмотря на определенную мировоззренческую направленность издания, редакция проявляла открытость своим идеологическим оппонентам — например, о С.А. Есенине там

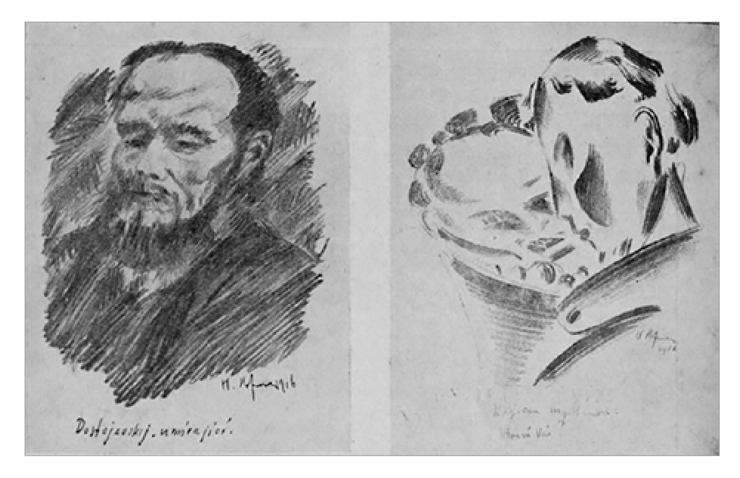
2 Название *Aventinum*, с одной стороны, отсылает к имени чешского ренессансного издателя XVI в. Иржи Мелантриха из Авентина, а с другой — к одному из римских холмов Авентину, где в 37 г. до н.э. была открыта первая публичная библиотека. *Rozpravy*, в свою очередь, с чешского языка переводятся как «прения, дебаты», что снова вызывает аллюзии к Древнему Риму и его демократическим традициям.

была опубликована статья Л. Троцкого, также там печатались материалы ярого в то время коммуниста Иржи Вайля.

Русская классика была хорошо представлена в журнале. В первые годы его существования уделялось внимание, прежде всего, Ф.М. Достоевскому и Н.В. Гоголю, а также Л.Н. Толстому, А.С. Грибоедову, А.П. Чехову. В рецензиях на произведения современных русских авторов неоднократно подчеркивалось продолжение ими традиций этих классиков. Например, говорилось о влиянии Достоевского на Л. Леонова, О. Дымова, Ф. Сологуба, М. Горького и др., о влиянии Гоголя на И. Эренбурга, М. Зощенко, Л. Леонова, В. Каверина, С. Заяицкого, даже отмечалось появление «гоголевской волны» в современной русской литературе и утверждалось, что к Гоголю обращаются лучшие [19]. Очевидно, это было важно для редакции, в том числе и в процессе отбора советских писателей для чтения и публикации, а также для вынесения суждений в отношении их творчества.

Что касается Достоевского, то если в левой критике в это время к нему относились или отрицательно, или пытались подстраивать его творчество под свою идеологию, например, утверждая, что он показывал тупиковость пути развития мещанства (об этом подробнее см.: [1]), то в «Розправах Авентина» он вызывал огромный интерес, о чем свидетельствует большое количество публикаций о нем и восторженность критиков. По большей части отмечались способность писателя проникнуть в человеческую душу, его прогностический талант, а в связи с публицистикой — его роль в понимании места России в европейской истории и политике, причем, что касается внутренних проблем страны, высказывания писателя назывались «кнутом, который больно бьет в нужное место»[3] [6]. Заметки о Достоевском в журнале появляются прежде всего по случаю издания чешских переводов его произведений («Игрок», «Дневник писателя», «Политические статьи», «Критические статьи») и спектаклей по ним на чешской сцене. Большой похвалы была удостоена постановка «Преступление и наказание» в Театре на Виноградах, в которой режиссеру Яну Бору удалось гениально драматизировать «пожалуй, самое великое произведение мировой литературы» [25]. Подробный разбор был посвящен опере Отакара Еремиаша «Братья Кара-

3 Здесь и далее перевод с чешского наш. — *А.А.*

Рисунки Вл. Гофмана «Достоевский умирающий» и «Рогожин и Мышкин»

Drawings by Vl. Gofman “Dying Dostoevsky” and “Rogozhin and Myshkin”

Фото исполнителей ролей из спектакля «Идиот» в Национальном театре: Мария Губнерова (Епанчина), Эдуард Когоут (князь Мышкин), Ева Врхлицкая (Настасья), В. Выдра (Рогожин)

Photos of actors from the “Idiot” play, staged in National Theatre:
Marie Hubnerová as Epanchin, Eduard Kohout as prince Myshkin, Eva Vrchlická as Nastasya Filippovna, V. Vydra as Rogozhin

Фото Фр. Роланда, исполнителя роли Лебедева из спектакля «Идиот» в Национальном театре, и рисунки Вл. Гофмана «Настасья к Аглае» и «Князь Мышкин»

Photo of Fr. Roland as Lebedyev from the “Idiot” play staged in National Theatre and drawings by Vl. Gofman “Nastasya to Aglaya” and “Prince Myshkin”

мазовы» в Национальном театре, где композитор передал замысел писателя системой лейтмотивов. Спустя год там же состоялась премьера «Идиота» режиссера Карела Достала, которая была высоко оценена редакцией, несмотря на значительные пропуски текста, связанные с большим объемом романа. За последние две постановки авторам были присуждены государственные премии, о чем также сообщается в журнале. И наконец, в нем появилась информация, что после недавно прошедшего в Праге съезда славянских филологов будет создано международное общество Достоевского.

Гоголь также был частым гостем издания. Если левые ему и уделяли какое-либо внимание, то только в связи с его обличением загнивающего царизма. В «Розправах Авентина» ему в эти годы посвящается обширный критический материал, приуроченный к новому чешскому переводу «Ревизора» (1926) с иллюстрациями Вл. Рады (часть тиража была раскрашена), — речь идет о статье в трех частях «О Гоголе и его “Ревизоре”» В. Кёнига (автора нового перевода), где разбирается поэтика творчества писателя и его значение для русской и мировой культуры, упор при этом делается на его исключительную русскость, которая порой мешает ему быть понятым нерусскими читателями; в отличие от своих коллег из левых изданий,

критик делает акцент на стремлении Гоголя нравственно воспитать русский народ [10]. Кроме того, в журнале были опубликованы отрывки из комментариев Гоголя к «Ревизору» и из сатиры, напечатанной в журнале «Новый зритель» и написанной как насмешка над плохо принятой постановкой Мейерхольда. Позже была напечатана краткая положительная рецензия на спектакль «Женитьба» в студии Владимира Гамзы в его же сценической обработке [28].

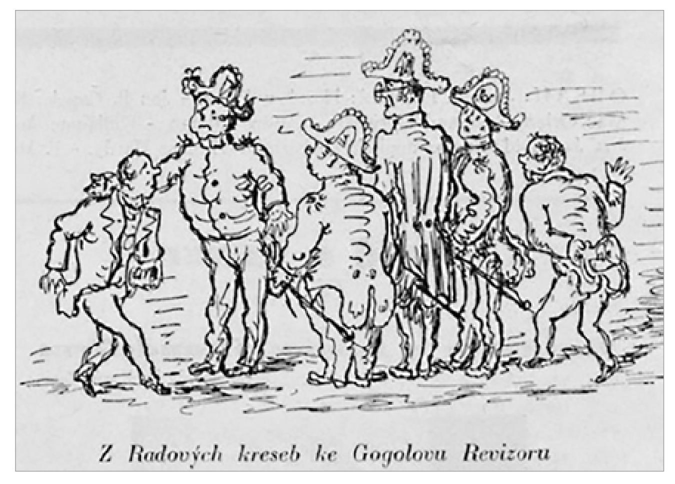
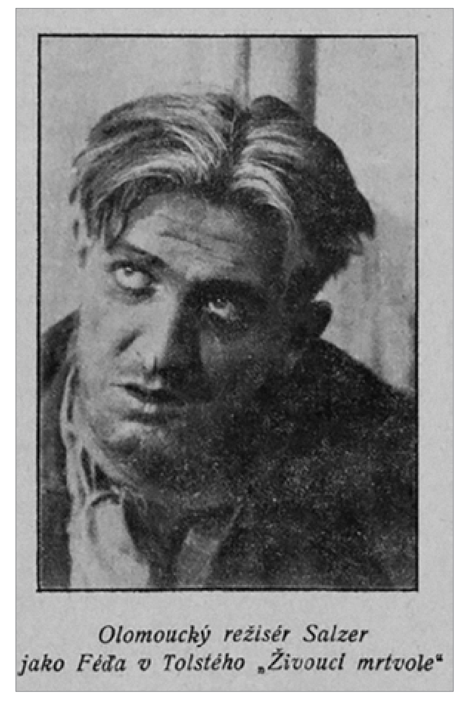

Иллюстрация Вл. Рады из нового чешского издания «Ревизора» Гоголя

An illustration by Vl. Rada to the new Czech edition of “The Government Inspector” by Gogol

На страницах журнала отмечались юбилеи русских классиков. К 100-летию Л. Толстого были опубликованы воспоминания Горького, Т. Сухотиной-Толстой о смерти писателя, статья С. Цвейга и размышление Мельниковой-Папоушковой «Философ или художник?», где автор утверждает, что нельзя отделять философа от художника, ведь уже в молодости художественная форма для писателя была лишь средством продвижения его идей, а к концу жизни он пришел к выводу, что с целью привлечь низшие слои лучше говорить прямо, далее критик предполагает, что Толстой был больше охвачен пророчествованием и мученичеством, чем духом правды [18]. Помимо этого, в журнале вышла рецензия на спектакль «Анна

Каренина» в Театре на Виноградах режиссера Я. Бора: драматизация романа названа успешной, в ней обнажились драматические корни эпоса, но при этом произошло смещение центров тяжести и переосмысление характеров — вместо общественных проблем на первый план вынесены общечеловеческие [31]. Кроме того, было напечатано несколько сообщений об экранизациях и театральных постановках «Живого трупа», заметки о судьбе дочери Толстого, живущей в Париже, и о написанной в Англии статье о Толстом Дж. Голсуорси.

Olomoucký režisér Salzer
jako Féďa v Tolstého „Živoucí mrtvole"

Оломоуцкий режиссер Салцер в роли Феди из «Живого трупа» Л. Толстого

Olomouc director Salzer as Fedya in “The Living Corpse” play

Юбилей Грибоедова тоже отметили на страницах журнала (в отличие от левых изданий, где о нем не писали вообще). В связи с этим печатается статья о нем Мельниковой-Папоушковой, где автор говорит о трагизме судеб русских писателей XIX в., что, по ее мнению, неудивительно, учитывая,

как далеки они были от народа, будучи социальной элитой общества, и даже революция не исправила ситуации, а у «Горе от ума» — общечеловеческий смысл, поэтому оно до сих пор нам близко [20]. Также была опубликована заметка «Грибоедов — чудо-ребенок» (со ссылкой на журнал «Красная новь») и «Грибоедов-музыкант» о выдающихся способностях и музыкальном таланте писателя.

Кроме того, за авторством Мельниковой-Папоушковой вышел материал о Чехове, где писатель назван лишь художником, а не мыслителем, и далее она рассуждала о роли его творчества в истории, утверждая, что при поиске виновников революции все камни летели в Толстого, но минули Чехова, а это несправедливо, поскольку Чехов отражал народные настроения, а Толстой — идеи элиты, у Чехова часто изображаются пассивность и эгоцентричность, его герои больше похожи на гоголевских, и писатель им не сочувствует — именно они и принесли революцию, которая не исполнила ни одного своего обещания о всеобщем благе, но принесла огромные жертвы [23].

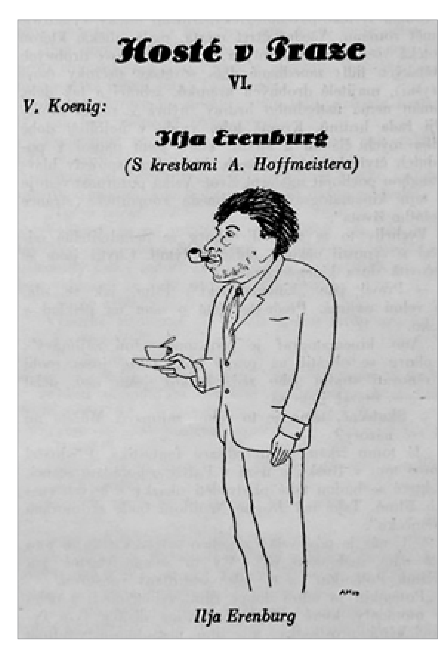
Интересное отношение в журнале демонстрируется к русским драматургам. Об А.В. Сухово-Кобылине вышла статья Мельниковой-Папошковой, в ней и в других заметках о театре неоднократно отмечается недооцененность этого писателя, ведь именно с него, как утверждает критик, а не с А.Н. Островского, начались новые веяния в драме [15]. А в отношении к последнему высказывания были скорее негативными — например, в рецензии на постановку «Горячего сердца» в Национальном театре, где пьеса названа неприятно растянутой и объемной, с шумной романтикой, которая уже не способна занять зрителя, и хотя, по мнению автора, в драме есть несколько очень хорошо прописанных персонажей, они теряются в медленном темпе, и если случается проблеск, то он тонет в тяжеловесности остальной комедии, да и постановка Серова отвечала вялому темпу пьесы [27]. В левых изданиях об Островском писали намного чаще и в более позитивном ключе.

А.С. Пушкин упоминается в связи с постановкой в Швандовом театре «Каменного гостя», демонстрирующего, по мнению, критика, влияние романтизма на славянскую драматургию [12], и в информационном блоке, где рассказывается о праздновании юбилея писателя в России.

В журнале также была опубликована рецензия на чешское издание «Фрегата Паллады» И.А. Гончарова. Главной причиной обаяния книги, по

мнению критика, являются суждения о «новых» народах, их порядках, обычаях и т. д., критик удивлялся, насколько писатель был прав, предвидя путь их развития, а самые интересные главы, по его мнению, о возвращении в Сибирь, где с любовью говорится о Родине, — это призвано изменить бытующее у чехов мнение о Сибири как о земле варваров [7].

Центральной фигурой современной русской литературы в «Розправах Авентина», и по количеству публикаций его и о нем, и по восторженности отзывов, был И.Г. Эренбург. В рецензии [24] Кубки на вышедшую в серии «Новые русские» «Авентинума» повесть В.Г. Лидина «Морской сквозняк» утверждается, что Эренбург и Лидин — европейские люди, культурно близкие западу и русскому футуризму. По мнению автора, у них революция лишь фон, база для приключений и утопий, но и Запад они ненавидят от всего сердца; они бродят по экзотическим странам или по большим городам, их родина — Берлин, Париж, Нью-Йорк, куда они приходят с медвежьей тяжелой поступью нового советского гражданина; они высмеивают все — и свою революцию тоже, из русского в них остались нигилизм, мистицизм материи и жестокая гримаса всему миру, аморальность — их новая этика, журналистский слог — их естественный язык. Позже в статье «Илья Эренбург» [11] Кубка продолжил свою мысль. Критик был убежден, что писатель стал посредником и переводчиком русской революции и ее литературы в Европе и первым автором-космополитом в России, его проза всегда имеет экспортный характер и могла бы быть написана на любом западном языке, а семитское происхождение обеспечивает высший уровень интеллектуального юмора; Кубка считает, что каждое произведение Эренбурга — сенсация и что он является современным представителем русского карамазничества, яро националистически воспевая страдающую Русь и молясь за нее православными антифониями, он перенял и развил мотивы, которые обессмертил А.А. Блок и страстно кричал в духовном экстазе Белый. Очевидно, для редакции были очень важны, с одной стороны, «экспортность» и «западность» этого писателя, а с другой — продолжение им традиций классической русской литературы, в особенности Достоевского, а Мельникова-Папоушкова в своей рецензии на книгу «В поточном переулке» отчетливо видит в нем влияние Гоголя [19]. Ценили Эренбурга и за художественный уровень — О. Шторх-Мариен в рецензии на чешское изда-

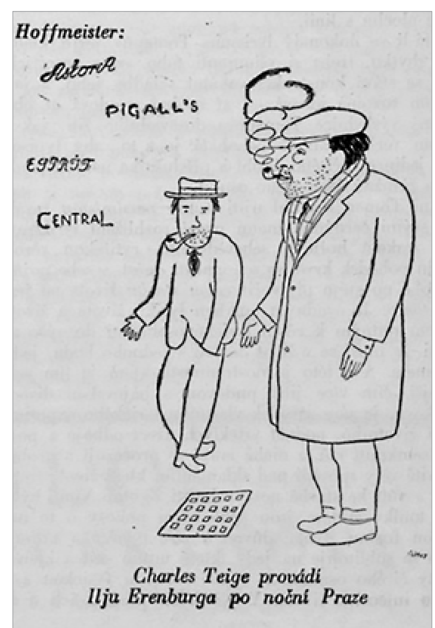

Рисунок А. Гоффмайстера
«Илья Эренбург»

Drowing by A. Hoffmeister
“Ilya Erenburg”

Рисунок А. Гоффмайстера
«Карел Тейге водит Илью Эренбурга
по ночной Праге»

Drawing by A. Hoffmeister
“Charles Teige is walking Ilya Erenburg
around night Prague”

ние романа «Любовь Жанны Ней» говорит о совершенной художественной форме [26]. В статье переводчика В. Кёнига «“Рвач” Эренбурга» указывается, что произведения писателя интересны чешскому читателю с точки зрения описания советской среды [9], а в статье «“Лазик Ройтшванец” Эренбурга» Кёниг отмечает многочисленные влияния гашековского Швейка: «Думаю, я бы не ошибся, если бы сказал, что Эренбург придумывал Лазика при чтении Швейка и что его замыслом было подать русского Швейка», далее он разбирает эти влияния на всех уровнях текста, в особенности отмечает синтез стиля Швейка с еврейской составляющей, при переводе романа вместо элементов «еврейского жаргона» были использованы просторечия

Рисунок А. Гоффмайстера «Илья Эренбург»

Drowing by A. Hoffmeister "Ilya Erenburg"

в духе Швейка [8]. Кроме того, в журнале в рассматриваемый период вышло два интервью с Эренбургом и несколько его сочинений («Романтизм наших дней», «Тоска середины»[4], «Кутная гора» — последние два написаны специально для «Розправ Авентина»). Заметим, что в левых изданиях Эренбург в лучшем случае игнорировался, встречались единичные отрицательные отклики, хотя, например, в «Руде право» признавали его чрезвычайную популярность.

Похожим образом ситуация складывалась и с С.А. Есениным. Поэт был в Чехии уже тогда очень популярен, в «Розправах Авентина» его воспринимали как носителя русских традиций, которого уничтожила револю-

4 «Тоска середины» — это впечатления о Праге, написанные Эренбургом по просьбе его переводчика Кёнига после интервью с ним. По сравнению с русским изданием в книге «Виза времени», в чешской версии отсутствует несколько нелицеприятных абзацев о Праге, и здесь встает вопрос, исключил ли их сам автор, или это сделала редакция журнала.

ция. Материалы о нем были приурочены к выходу в издательстве книги поэта «О России и революции» (“O Rusku a revoluci”) — по этому случаю были напечатаны несколько его стихотворений, автобиография, портреты, предсмертная записка, статья Троцкого «Памяти С. Есенина», издательством был организован поэтический вечер Есенина, о котором неоднократно рассказывалось в журнале, и, наконец, были опубликованы предисловие к книге, написанное одним из переводчиков — Б. Матезиусом [14], и лекция, прочитанная на есенинском вечере вторым переводчиком — Й. Горой [3]. Первый подробно охарактеризовал творческий путь поэта, расставив при этом идейные акценты и обозначив отношение поэта к революции: «Революция не могла не повлиять на волю Есенина, а Есенин не петь о воле революции. Это явление и этот человек шли рядом, не поняли друг друга, не были одной крови. <…> После первой пылкой влюбленности пришла борьба, честная, тяжелая, с многими перипетиями. Борьба поэта за революцию. Есенин ее не выдержал, Есенин сдался. <…> Материальное богатство Есенина невелико. Это Русь — “с крестьянским уклоном”, так как Есенин — поэт преимущественно *национальный* [курсив наш. — *А.А.*]» [14]. В лекции Горы тоже подробно описывается творческий путь поэта, но уже под другим углом зрения, поскольку в те годы Гора активно сотрудничал с «Руде право» и был поэтом левого толка, симпатизирующим коммунистам, у него отношение Есенина к революции было представлено иначе: «Как поэта его нельзя было представить без революции, он любил ее, старался ее понять <…>. Он с ней сливался, но не слился, хотел понять, но не понял <…>. А ведь он не был декадентом, тем, кто держался за старый мир, его цвета и ценности и умирал, видя, как падает все, что он любил и с чем сросся» [3]. Причем, если Матезиус последовательно представил причины трагедии и логично подвел к самоубийству поэта, то у Горы «смерть пришла к нему неожиданно, в минуту, когда каждый наблюдал за разбегом его гения, словно за летчиком, приближающимся к смерти при наборе высоты» [3]. В рецензии на второй чешский сборник произведений поэта «Иная земля» (“Jiná země”) критик пишет, что свою хаотическую и беспокойную натуру поэт не сумел вписать в строгий пореволюционный порядок, его мелодичный стих и измученное сердце не соответствовали эпохе, его революционная форма разбилась об осколки всех общественных традиций [30]. Позже в связи с Есениным была опубликована рецензия на чешское издание «Романа без

вранья» А.Б. Мариенгофа, о котором сказано, что он лишь хотел погреться в лучах славы поэта, что у книги нет художественной ценности, но она является документом человеческой жизни [16]. В левых же изданиях, как и у Горы, Есенин преподносился как певец революции, внутренний мир которого был слишком хрупок для установленных ею порядков, при этом, на наш взгляд, есть вероятность, что если бы не большая популярность поэта в Чехии, это политическое крыло публицистики и вовсе бы игнорировало поэта ввиду его очевидной идейной неоднозначности.

Полемику на страницах журнала вызвал Е.И. Замятин. К выходу в издательстве романа «Мы» была опубликована статья о писателе [17] Мельниковой-Папоушковой, где она говорит, что тот до мозга костей русский, и в то же время он настоящий, качественный европеец, в нем ощутимы два влияния — глубинной Руси и солидной Англии, и ему удалось соединить русский тип с английской мужской элегантностью; с художественной точки зрения его творчество находится между Н.С. Лесковым и Ч. Дикенсом, в «Мы» он показывает русскую реальность, как в кривом зеркале, предсказывая, во что может превратиться коммунизм. Вскоре после выхода этой статьи в журнале опубликовали письмо в редакцию И. Вайля [32], где он отрицал такую характеристику писателя, утверждая, что Замятин не выступал против революции и советской власти, зато активно боролся против царизма, также критик отмечал, что он был не обычным писателем-эмигрантом, прятавшимся в теплом комфорте Европы, а советским автором, которого публикуют в СССР. Заметим, что в рецензии на роман «Мы» в «Руде право» Замятин восхвалялся за высмеивание Англии и отрицании ее «системы эксплуатации» [4], тем самым левое крыло пыталось «перетянуть» писателя на свою сторону. Позже в журнале была опубликована еще одна рецензия на роман «Мы», где автор назван Уэллсом на математической основе, а его произведение — чтивом рафинированного интеллекта [2], и напечатаны воспоминания Мельниковой-Папоушковой о встрече с Замятиным, где она снова говорит, что писатель сочетает в себе европейца и настоящего русского и что ему предначертано противопоставлять Европу и Россию [21]. В связи с Замятиным упомянем еще публикацию драматурга Ружены Есенской о том, как она создавала свою пьесу «Атилла» и что она пришла о ней к тому же выводу, что и русский писатель [5].

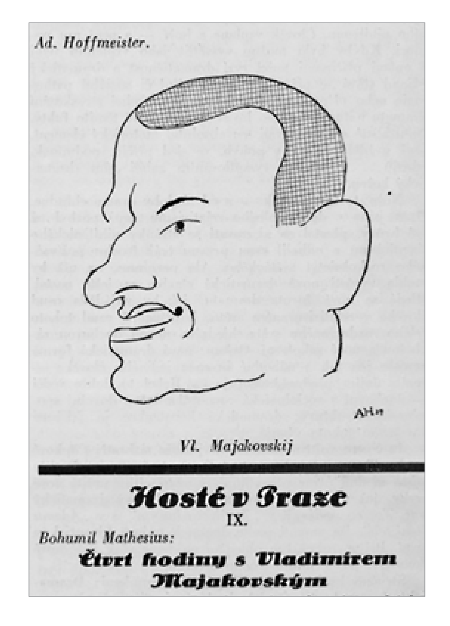

Рисунок А. Гоффмайстера «Вл. Маяковский»

Drowing by A. Hoffmeister “Vl. Mayakovsky”

Маяковский в левых изданиях был главным русским поэтом. А в «Розправах Авентина» рецензия Шторх-Мариена на чешский перевод «150 000 000» Маяковского была достаточно жесткой: «Нельзя сравнивать Маяковского с Блоком. Блок — поэт религиозного вдохновения, а Маяковский — тенденциозный риторик и партийный крикун. Он неприятен безвкусной напыщенностью, <...> однако интересен чувством динамичности стиха и слова, ритма, что показано в переводе Матезиуса. Его революционная поэзия надута содержанием, как воздушный шарик, рано или поздно он лопнет и упадет, а его поэма демонстрирует, что это случится скоро. Некоторые пассажи бурлят решительными потоками свежих толп со сжатыми кулаками, но это не спасает художественно низкопробные и содержательно неудачные пассажи <...> — даже ненависть имеет свои, пусть и художественные границы. В остальном он не отличается от блюющего пса» [29]. Впрочем, редакция все же этим не ограничилась. Спустя год после разгромной рецензии в журнале было опубликовано интервью с поэтом, взятое Матезиусом, который никогда

не отличался идейной категоричностью ни к кому из русских и советских авторов, несмотря на свои собственные убеждения. В публикации, помимо ответов на вопросы, было отражено и личное восприятие Матезиуса: «Квадратный дылда ... немного истеричные глаза... Когда говорил о гонорарах, я был ошарашен [суммами]... В целом он оставил о себе впечатление как об инженере, энергичном конструкторе слов и ритмов, с размашистыми жестами, широким художественным, политическим и социальным кругозором и с очень точным чувствованием материала. И именно благодаря этому, вероятно, он останется в памяти потомков» [13]. Позже в журнале были опубликованы заметка об уходе поэта из ЛЕФа и сообщение о включении его драмы-утопии (название не было указано) в репертуар Мейерхольда.

Отношение к Горькому в журнале, в отличие от левых изданий, где писатель на протяжении всего рассматриваемого периода был главным советским прозаиком, тоже не было восторженным, его выразила Мельникова-Папоушкова в своей пространной статье [22], где она утверждала, что признание Горького советской властью противоречит его непопулярности у широких масс (в отличие от Есенина и Л. Леонова), что с точки зрения истории литературы — он межевой знак, высокий и видимый с многих сторон, по которому можно понять, где начинался и закончился литературный век, но этот писатель никогда не будет живым родником творчества и не имеет последователей.

К сожалению, в рамках статьи нет возможности подробно описать все материалы о русской литературе, опубликованные в журнале. Далее мы их лишь перечислим:

- воспоминания Мельниковой-Папоушковой о встречах с Вс. Ивановым, Б. Пильняком, Л. Леоновым и ее статья о Ф. Сологубе;
- статьи о готовящихся в издательстве русских книгах: две — о книге Неверова «Ташкент — город хлебный» Матезиуса и М. Есенской и материал Кёнига о романе «Вор» Леонова;
- рассказы Кёнига о его встречах в Праге с П.В. Полонским, тремя пролетарскими поэтами (И.П. Уткин, А.А. Жаров и А.И. Безыменский) и интервью Вайля с Л.Н. Сейфуллиной;
- статьи русских писателей (Пильняк «Современная японская литература», К.Д. Бальмонт «Музыкант настроения (Антонин Сова)»), а также

воспоминания Н.Ф. Балиева, руководителя «Летучей мыши», «Моя исповедь» в трех частях;

▪ краткие рецензии на чешские и русские издания современных писателей и постановки по их произведениям:

• положительные — спектакль «Веселая смерть» Н.Н. Евреинова, «Рождение богов. Тутанхамон на Крите», «Александр I» и «Любовь сильнее смерти» Д.С. Мережковского, постановка «Роза и крест» по А. Блоку, постановка «Виринея» Сейфуллиной, «О чем пел соловей» М.М. Зощенко, «За живой и мертвой водой» А.К Воронского, «Взвихренная Русь» А.М. Ремизова, «Баба-змея» И.Ф. Калинникова, «Растратчики» В.А. Каверина, «Баклажаны» С.С. Заяицкого, «Бегущие креста. Великий человек» О. Дымова, «Без черемухи» П.С. Романова, «Цветные ветра» Вс. Иванова, «Дневник Кости Рябцова» Н. Огнева, постановка «Меж двух миров [Дибук]» С.А. Ан-ского, «Каин-кабак» Сейфуллиной,

• отрицательные — на «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» Джима Доллара (псевдоним писательницы Мариэтты Шагинян), «Партизаны» Вс. Иванова, «Крещеный китаец» А. Белого, «Девять десятых судьбы» В.А. Каверина, «Уважаемые граждане» М.М. Зощенко, «Колокола» И.В. Евдокимова, «Война и люди» Г.Д. Венуса;

▪ множество сообщений о культурных событиях в России и связанных с русскими литераторами в эмиграции.

Таким образом, можно сделать основные выводы об особенностях литературной критики либерально-демократического крыла в лице его яркого представителя — журнала «Розправы Авентина», и его отличиях от крыла левого. Русская классика в журнале представлена шире, чем в левых изданиях, в ней много восторженных откликов о Достоевском, но при этом, наоборот, плохо отзываются об Островском и практически не затрагивают Некрасова, тем самым даже в оценке литературы XIX в. проявляются идеологические расхождения критиков разной ориентации. Что касается современной русской литературы, то, с одной стороны, редакция имела «своих» русских авторов, игнорируемых их политическими оппонентами и отбиравшихся по принципу их культурной близости чехам («европейскости») и имманентной непринадлежности к большевикам вкупе с продолжением традиций классической русской литературы, причем традиций именно тех

писателей, которым благоволила редакция. С другой стороны, авторам из идейно противоположного лагеря давалась отрицательная оценка, или их вовсе не замечали. Кроме того, были «неоднозначные» русские писатели, которых разные политические лагеря наделяли своими взглядами, пытаясь тем самым записать их в свой актив. И все же, несмотря на политическую обусловленность содержания критических материалов издания, оно представляется чуть более идейно открытым, чем, например, коммунистическое «Руде право», поскольку на страницах «Розправ Авентина» была возможность высказаться и оппонентам.

Список литературы

Исследования

1 *Амелина А.В.* Русские писатели в чешской среде первой половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета «Руде право») // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 199–212. DOI: 10.37816/2073-9567-2021-59-199-212

Источники

2 E. Zamjatin: “My” // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 4. S. 49.
3 *Hora J.* Úvodní slovo k Jeseninovu večeru // Rozpravy Aventina. Roč. 2/1926–27. Č. 4. S. 43–44.
4 *-jef-* [*Fučík J.*]. Zamjatin: My // Rudé právo. 1927. Č. 232. S. 6.
5 *Jesenská R.* Ohlas z Ruska // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 11–12. S. 134–135.
6 *K.Š.* [*Štorch K.*] F.M. Dostojevkij: Politické články // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 2. S. 25.
7 *K.Š.* [*Štorch K.*] J.A. Gončarov: Fregata Pallada // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 5. S. 63.
8 *Koenig V.* Erenburgův Lazik Rotschwanz // Rozpravy Aventina. Roč. 4/1928–29. Č. 30. S. 297.
9 *Koenig V.* Erenburgův Rváč // Rozpravy Aventina. Roč. 2/1926–27. Č. 3. S. 30–31.
10 *Koenig V.* O Gogolovi a jeho Revizoru // Rozpravy Aventina. Roč. 2/1926–27. Č. 8–10. S. 88–89, 102–103, 113.
11 *Kubka F.* Ilja Erenburg // Rozpravy Aventina. Roč. 1/1925–1926. Č. 2. S. 19.
12 *Lebl J.* Do nové sezóny // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 3. S. 35.
13 *Mathesius B.* Hosté v Praze. Čtvrt hodiny s Vladimírem Majakovským // Rozpravy Aventina. Roč. 2/1926–27. Č. 16–17. S. 181–182.
14 *Mathesius B.* K Jeseninově knize O Rusku a revoluci // Rozpravy Aventina. Roč. 2/1926–27. Č. 2. S. 19.
15 *Melniková-Papoušková N.* A.V. Suchovo-Kobylin // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 15. S. 187.

16 *Melniková-Papoušková N.* A. Marienhof: Roman bez vraňja // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 5. S. 61.
17 *Melniková-Papoušková N.* E.I. Zamjatin // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–1928. Č. 1. S. 9.
18 *Melniková-Papoušková N.* Filosof nebo umělec? // Rozpravy Aventina. Roč. 4/1928–29. Č. 13–14. S. 139–140.
19 *Melniková-Papoušková N.* Ilja Erenburg V Protočnom pereulke // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 3. S. 36.
20 *Melniková-Papoušková N.* K Stému výročí smrti A.S. Gribojedova // Rozpravy Aventina. Roč. 4/1928–29. Č. 26. S. 261.
21 *Melniková-Papoušková N.* Má setkání se spisovateli v Sovětském Rusku II. E. Zamjatin // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 6–7. S. 81.
22 *Melniková-Papoušková N.* Maxim Gorkij // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 16. S. 197.
23 *Melniková-Papoušková N.* Rytíř smuné doby // Rozpravy Aventina. Roč. 4/1928–29. Č. 39–40. S. 394.
24 Noví Rusové // Rozpravy Aventina. Roč. 1/1925–1926. Č. 1. S. 10.
25 *O.Š.M.* [*Štorch-Marien O.*] F.M. Dostojevskij: Zločin a trest // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–28. Č. 10. S. 125.
26 *O.Š.M.* [*Štorch-Marien O.*] Ilja Erenburg: Láska Jeanny Neuillové // Rozpravy Aventina. Roč. 1/1925–26. Č. 1. S. 12.
27 *O.Š.M.* [*Štorch-Marien O.*] Národní divadlo 17.XI. Horoucí srdce // Rozpravy Aventina. Roč. 1/1925–26. Č. 4. S. 50.
28 *O.Š.M.* [*Štorch-Marien O.*] Umělecké studio Gamzovo // Rozpravy Aventina. Roč. 2/1926–27. Č. 10. S. 119.
29 *O.Š.M.* [*Štorch-Marien O.*] Vl. Majakovskij: 150,000.000 // Rozpravy Aventina. Roč. 1/1925–1926. Č. 2. S. 26.
30 *P.F.* [*Fraenkl P.*] S. Jesenin: Jiná země // Rozpravy Aventina. Roč. 2/1926–1927. Č. 12. S. 143.
31 *Paulík J.J.* L.N. Tolstoj: Anna Karenina // Rozpravy Aventina. Roč. 5/1929–30. Č. 5. S. 59.
32 [*Weil J.*] Zasláno // Rozpravy Aventina. Roč. 3/1927–1928. Č. 3. S. 35.

References

1 Amelina, A.V. “Russkie pisateli v cheshskoi srede pervoi poloviny 1920-kh gg.: periodika levogo politicheskogo kryla (gazeta ‘Rude pravo’)” [“Russian Writers in the Czech Environment in the First Half of the 1920s: the Period of the Left Political Wing (Newspaper ‘Rude Pravo’)”]. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 59, 2021, pp. 199–212. DOI: 10.37816/2073-9567-2021-59-199-212 (In Russ.)